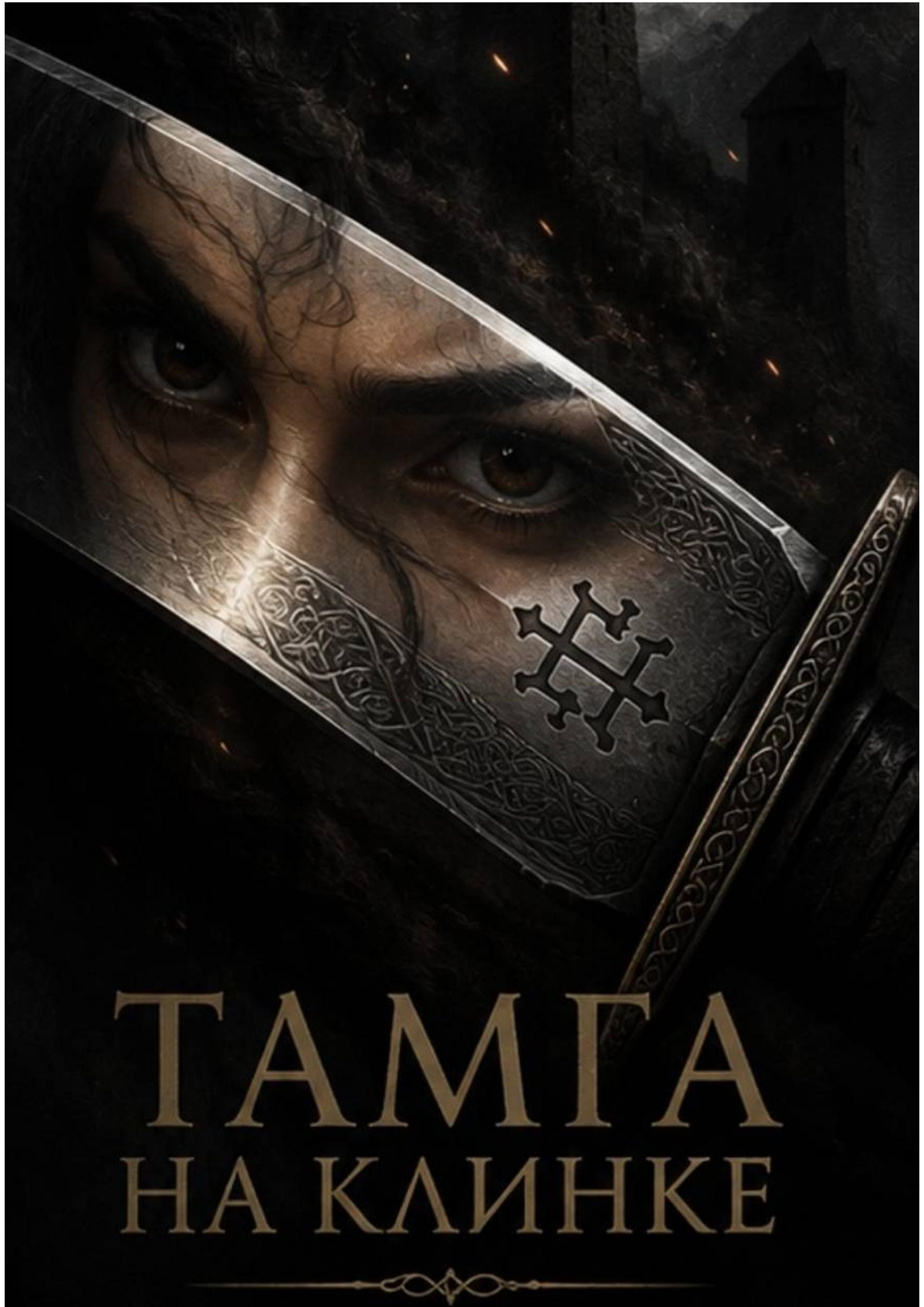

ТАМГА НА КЛИНКЕ

Madina G

Тамга на клинке

«Автор»

2026

G M. B.

Тамга на клинке / М. В. G — «Автор», 2026

Роман о молодой девушке Асе, которая с детства несёт ответственность за близких. Она выросла в мире, где от женщин требовали только покорности, где их голос не имел веса. Когда жизнь ставит её перед невозможным выбором, Ася решается на поступок, который переворачивает привычный уклад. Это история о силе духа, о праве любить и о цене, которую платят за правду.

© G M. B., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Madina G

Тамга на клинке

Глава 1

Осень в тот год пришла в горы внезапно. Как незванный гость, который не стучится, а просто входит. Листья на старых чинарах пожелтели и опали, словно сама земля просталась с чем-то тёплым и живым. Но для Аси эта осень стала не просто сменой времён года — она стала зимой, которая поселилась в её душе и не собиралась уходить.

Я не знаю, можно ли привыкнуть к смерти близкого человека. Наверное, нет. Но Асе пришлось привыкать к этому с самого детства.

Её мать, Изахат, умерла на рассвете. Она ушла тихо, как угасает свеча, когда догорает фитиль. Она не кричала, не звала — она просто закрыла глаза, и её дыхание остановилось вместе с первым лучом солнца, коснувшимся горных вершин. Ася сидела у её постели, держа в руках холодную ладонь матери. Она не плакала. Она смотрела на это лицо, которое когда-то улыбалось ей по утрам, и не могла поверить, что оно больше никогда не улыбнётся. Ей казалось, что время остановилось. Что мир замер и ждёт, пока она скажет слово, чтобы снова начать дышать.

Изахат всегда говорила: «Жизнь дана нам на время, дочь моя. Не трать её на слёзы, трать на благодарность». Ася помнила эти слова, но внутри неё была только пустота. Холодная, глубокая, как зимнее ущелье.

Осень за окном продолжала своё дело — ветер срывал листья, дождь стучал по земле, горы укрывались серыми облаками. Но Ася не видела этого. Она видела только руки матери, которые больше никогда не обнимут её.

Когда в комнату вошёл Элдар, ему стало подозрительно. Слишком тихо. Слишком спокойно. Он остановился на пороге, словно ноги отказались нести его дальше. Он смотрел на жену, которая лежала неподвижно, и на дочь, которая сидела рядом, сжимая безжизненную руку Изахат.

Ася не обернулась. Она не слышала, как он вошёл. Она смотрела на лицо матери — спокойное, умиротворённое, будто она просто уснула после долгого дня. Но её рука была холодной. И эта холодность проникала в пальцы Аси, в её ладонь, в самое сердце.

Элдар сделал шаг вперёд. Он не верил. Он не мог поверить, что Изахат, его любимая, умрёт так скоро. Она была младше него на тринадцать лет — она должна была пережить его, должна была видеть, как вырастут внуки, как состарится он сам. А теперь она лежала здесь, и её глаза больше никогда не откроются.

Любовь Элдара и Изахат была из тех, что не поддаются словам. Её нельзя было описать — её можно было только чувствовать, только видеть в том, как он смотрел на неё, как он замолкал, когда она начинала говорить, будто боялся пропустить хотя бы одно её слово. Элдар стоял у её изголовья. Его рука, грубая и мозолистая, дрожала, когда он провёл пальцами по её волосам — по тем самым тёмным волосам, которые он так любил касаться по утрам. Он наклонился, чувствуя, как воздух вокруг стал холодным и тяжёлым. Его губы коснулись её макушки — мягко, долго, прощаясь так, как он никогда не простался ни с кем.

Ася не видела на глазах отца слёз. Она не слышала ни единого всхлипа, ни одного сорвавшегося слова. Но она знала это чувство — то, которое не выплёскивается наружу, а остаётся внутри, разъедающая душу. Элдар вышел из комнаты, и дверь за ним закрылась с тихим, почти неслышным скрипом. Он остановился, прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Воздух пах домом — травами, деревом, старой шерстью, но теперь в нём чувствовалось что-то ещё. Что-

то, что он не мог назвать. Только чувствовал, как оно оседает на плечи тяжестью, от которой не избавиться.

Он знал, что нужно готовиться к погребению.

Ася сидела на полу, прижавшись спиной к стене. Её руки всё ещё помнили холод ладони матери. Она смотрела на догорающий очаг и думала. Думала о том, как жить теперь без мамы.

Мать была душой этого дома. Она была той, кто связывал их всех воедино. И теперь, когда её не стало, Ася чувствовала, как стены дома начинают холодеть.

А ещё она думала о том, что будет дальше. Неужели отец найдёт новую жену? Она знала, что так делают. Мужчинам нужна женщина в доме — чтобы готовить, стирать, рожать детей, быть опорой. Но как можно заменить мать? Как можно привести в этот дом чужую женщину, которая будет сидеть на её месте, касаться её вещей, называть отца мужем?

Ася не могла представить этого. Внутри неё поднималась глухая, тёмная волна страха и отвращения при одной только мысли об этом. Она не хотела новой матери. Она хотела только свою — ту, которая ушла навсегда.

Тело Изахат обмыли, завернули в белый саван, как велит обычай. Женщины аула собрались у дома, чтобы проститься с ней. Они стояли у дверей и тихо перешёптывались, но громких причитаний не было — так велит ислам. Ася проводила мать до ворот, но дальше не пошла: на кладбище женщинам не положено. Она стояла у ограды и смотрела, как мужчины выносят тело на деревянных носилках. На кладбище, за аулом, где горы встречались с небом, Изахат опустили в землю. Мужчины засыпали могилу, читая дуа. Старший из них произносил суру «Йасин» — ту, что читают над ушедшими, чтобы душа нашла покой. Элдар стоял в стороне, не подходя к краю. Он не смотрел, как земля падает на белый саван. Он смотрел в небо и молчал.

Прошло три дня.

Когда все разошлись, Элдар остался у могилы. К нему подошли старейшины — седобородые, важные, привыкшие решать судьбы людей. Они переглянулись, и старший из них заговорил:

— Элдар, мы знаем, как тебе тяжело. Но жизнь продолжается. Ты должен подумать о доме, о детях. Тебе нужна хозяйка. Мы подыскали женщину — вдову из соседнего аула, она справится. Подумай, возьми её в жёны, когда пройдёт сорок дней.

Элдар медленно повернулся к ним. Его лицо было спокойным — слишком спокойным. Но в глазах застыла такая боль, что старейшины невольно отступили на шаг.

Не успела моя жена войти в могилу, — сказал он тихо, но голос его звучал, как удар хлыста, — а вы уже хотите женить меня. Она лежит здесь всего три дня, а вы говорите мне о другой женщине. Вам не стыдно?

Старейшины переглянулись. Никто не посмел перечить ему.

— Идите, — сказал он холодно. — И не приходите ко мне с этим, пока я сам не скажу вам.

Когда Элдар вошёл в дом, Ася сидела у очага. Она не спала. Она ждала его. Он снял шапку, повесил её на гвоздь и прошёл к ней. Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. Он понял: она знает. Она видела его у могилы, она слышала разговор со старейшинами.

Элдар подошёл к ней, остановился рядом и положил свою тяжёлую ладонь на её голову — нежно, почти как в детстве. Он сжал её плечо, чувствуя, как она мала для этой боли, как рано ей пришлось повзрослеть.

— Слушай меня, дочка, — сказал он тихо, глядя ей в глаза. — Пока я жив, я никогда не женюсь на другой. Никогда. Я не предаю твою мать. Я буду жить с этим до последнего вздоха.

Ася почувствовала, как горячая волна поднимается откуда-то из груди, но она не дала ей вырваться наружу. Она только крепче сжала руки.

— Но знай, — продолжал Элдар, и голос его стал мягче, но в нём звучала сталь. — Теперь за дом отвечаешь ты. Ты должна быть опорой для меня и для Саида. Ты должна стать хозяйкой этого дома.

Ася улыбнулась и кивнула. Это был её ответ.

Глава 2

Прошло несколько месяцев после смерти Изахат. Дом потихоньку начал оживать, но внутри всё ещё было холодно. Ася просыпалась раньше всех — как когда-то просыпалась мать. Она разжигала очаг, ставила воду, месила тесто. У неё не всё получалось. Иногда хлеб подгорал, иногда суп был слишком солёным, иногда она просто стояла у очага и смотрела на огонь, не зная, что делать дальше.

Первыми приехали тётки с маминой стороны — Захидат и Селихат. Они появились на пороге в один день, ещё до рассвета, с большими узлами в руках. Они обняли Асю, поцеловали в щёки, и Селихат, старшая из них, сказала:

— Ну, дочка, показывай, как ты тут живёшь.

Они развернули узлы. В них были гостинцы: свежий сыр, вяленое мясо, мёд, мешок муки и даже новая шерстяная ткань для Саида. Захидат выложила всё на стол, а Селихат сразу прошла в комнату, где спал Саид.

— Он спит? — спросила она шёпотом.

Ася кивнула.

— Пусть спит. А я пока приготовлю завтрак.

Ася хотела помочь, но Селихат мягко отстранила её.

— Сядь. Отдохни. Я хочу, чтобы ты просто посидела рядом.

Ася села у очага. Она смотрела, как руки тётки двигаются — уверенно, спокойно, как когда-то двигались руки матери. Селихат раскатывала тонкие лепёшки, клала начинку из картофеля, защипывала края и обжаривала на сухой сковородке. Запах заполнил дом — тёплый, сытный, родной.

Ася вспоминала, как мать стояла у очага, как напевала что-то тихо, как смазывала готовые лепёшки маслом и складывала в стопку. Она помнила вкус.

— Попробуй, — сказала Селихат, протягивая ей первую лепёшку.

Ася взяла её. Лепёшка была горячей, масло блестело на тонком тесте. Она откусила. И замерла.

Вкус был тот самый. Тот, что она ела в детстве, сидя на коленях у матери. Тот, что мать готовила по утрам, пока отец ещё спал. Тот, что она думала, что больше никогда не почувствует.

Слёзы потекли по её щекам. Она не плакала — просто слёзы текли, и она не могла их остановить. Она держала лепёшку в руках и смотрела в одну точку.

Селихат подошла и обняла её. Крепко, по-матерински.

— Плачь, — сказала она тихо. — Плачь, дочка. Это нормально. Ты не слабая. Ты просто скучаешь по ней. И это правильно.

Ася уткнулась лицом в плечо тётки и заплакала. Впервые с момента смерти матери. Впервые за много месяцев. Она плакала, и слёзы уносили с собой часть той тяжести, которую она носила в груди.

Захидат подошла и села рядом. Она не сказала ничего — просто положила руку на спину Аси и сидела с ней, пока слёзы не высохли. Ведь даже в Исламе сказано, что «Тётя со стороны матери подобна матери».

Когда Саид проснулся, Селихат уже ждала его с тёплой лепёшкой и мёдом. Она улыбнулась ему и сказала:

— Саид, иди сюда, я тебе что-то принесла.

Захидат в это время осталась с Асей. Они сидели у очага, и Захидат рассказывала о том, какой была Изахат в молодости.

Ася слушала. Она не отвечала — просто впитывала каждое слово. Эти женщины знали её мать такой, какой Ася её не помнила. И через их рассказы мать становилась ближе, будто снова садилась рядом у очага.

Они остались на несколько дней. Не учили, не поправляли — просто поддерживали. Селихат возилась с Саидом, гуляла с ним, играла, рассказывала ему истории о матери. Захидат сидела с Асей, когда та уставала, молча подбрасывала дрова в очаг, готовила, убирала. Никаких нотаций. Только тепло.

Через несколько дней они уехали. Ася осталась одна у очага, но теперь в доме стало чуть теплее.

Прошло несколько месяцев. Асе исполнилось пятнадцать лет. Она уже твёрдо стояла на ногах — и в доме, и в душе. Однажды в соседнем ауле играли свадьбу. Ася не хотела ехать, но тётя Маржан, сестра отца, настояла:

— Ты молодая, красивая, не век же тебе сидеть дома. Поедешь, увидишь людей. Саида я беру с собой.

Ася не стала спорить. Она надела новое платье, повязала платок и поехала.

На свадьбе было шумно. Играла музыка, гости танцевали, дети бегали между столами. Ася стояла у стены, смотрела на танцующих, но в круг не выходила.

И тут она увидела его. Акмарз стоял в толпе. Он был выше, шире в плечах и смотрел прямо на неё. С Акмарзом, Ася знакома была ещё с детства, он был из тех, кто не умеет ждать. Ася это чувствовала и держалась подальше.

Она отвернулась, но он уже направлялся к ней.

— Ася, — сказал он, останавливаясь рядом. — Я давно тебя не видел.

Она не ответила.

— С тех пор, как похоронили твою мать, — продолжил он. — Я хотел подойти, но не знал, что сказать. Как ты держишься?

— Хорошо, — коротко ответила она, не глядя на него. — Спасибо.

— Я уезжаю, — сказал он. — Через три дня. Далеко. Надолго.

Она кивнула, даже не повернув головы.

— Счастливой дороги, — сказала она и пошла прочь.

Акмарз остался стоять. Её холодность резала его. Он догнал её и встал перед ней, перекрыв путь.

— Ты не хочешь знать, куда я еду? — спросил он.

— Нет, — ответила она, глядя сквозь него. — Это не моё дело.

— «Хотя бы напоследок, — сказал он. — Подари мне один танец»

— Я не буду с тобой танцевать.

Она уже собиралась уйти, когда из толпы вынырнула тётя Маржан. Она схватила Асю за руку и громко сказала:

— Ася, что ты как колючка! Дай человеку станцевать с тобой. Не позорь нашу семью, иди!

Ася хотела возразить, но Маржан уже тянула её в центр круга. Она оказалась лицом к лицу с Акмарзом.

Между ними было расстояние в несколько шагов.

Ася подняла голову. Руки она держала на уровне груди, не выше. Она не смотрела на него — её взгляд был направлен поверх его плеча, вдаль, будто его не существовало.

Акмарз двинулся первым — стремительно, точно, как хищник, который кружит вокруг добычи, но не касается её. Ася отвечала — плавно, грациозно, как лебедь, который скользит по воде, не замечая того, кто рядом.

Они двигались в одном ритме, но отдельно. Акмарз пытался поймать её взгляд, но она смотрела мимо. Её спина была прямой, голова высоко поднята. Она танцевала с ним, но не для него.

Когда музыка стихла, она развернулась и ушла, не взглянув на него. Он остался стоять в центре круга, глядя ей вслед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.